

Екатерина Терешкевич

Балка. Здесь

Новогоднее желание Сталины

— Без фейерверка — это была бы не Сталина.

У Матвея такое выражение лица, будто он чем-то безмерно удивлён.

Первое января. Город Возледнепровск. Похороны.

Улица пуста и измята, как старая обувная коробка. Серое в желтизну, цвета трухлявого картона, небо крышкой лежит прямо на заборах. Хорошо, что на улице Сосновой такие высокие заборы, а не то лежать бы небу прямо на моей макушке. Вместо этого на макушку сыплется мокрая пакость, которая пытается имитировать дождь. От небесной пакости лицо моментально покрывается маслянистой плёнкой и становится противным на ощупь.

Мелкой мутной моросью испятнаны Юлькины очки, зато глаза за линзами прозрачны.

— Спасибо что приехала, — сказала Юля, слегка качнувшись вперед.

Я так и не поняла, был ли этот жест приглашением к объятиям, или просто у неё подкашивались ноги, но поспешила обхватить широкие и твёрдые как новый диван Юлькины

плечи. Четыре снулых гвоздики в моей руке хлопнули Юлю по спине.

— Тая поехала за батюшкой, скоро уже прибыть должны, батюшка у нас очень обязательный, — пояснил зачем-то Матвей.

Я закивала, лихорадочно соображая, при чём здесь батюшка. Не должно быть никакого батюшки, по определению не должно. Иначе основы мироздания окажутся под угрозой.

Сталина Викторовна, тётка моего бывшего мужа, была Железной Старухой.

Самой что ни на есть типичной. Эталонной.

И имя — не более чем удачное совпадение.

Старшая сестра в многодетной семье, она всю жизнь работала и нянчила. Сначала нянчила младших братьев и сестёр. Потом их детей и детей их детей. Помогала выхаживать всех, кого надо было выхаживать в пределах досягаемости: подруг, коллег, родственников. На мужа и собственных детей времени, понятное дело, не хватило, хотя стародевичество и не является необходимым условием принадлежности к клану Железных Старух. Как истинная дочь этого клана, Сталина Викторовна обладала чувством долга высотой с Эйфелеву башню и двумя справками из разных поликлиник о перенесенных в 1985 и 1978 годах ОРЗ.

Остальные свои болячки она пользовала сама, активно привлекая в клуб самолечения знакомых Железных Старух. О, десятой доли тех невероятных процедур хватило бы насмерть замучить чемпиона мира по сумо.

Одна соевая диета чего стоила. А перекись водорода?! А дыхательная гимнастика с обливаниями?! А...

Да ладно, это не так важно.

Важно, что помогало. Помогало! Железные Старухи вставали после инсультов, инфарктов, радиальных переломов шейки бедра. С диабетом, атеросклерозом, полиартритом и бог ещё знает какими ужасами в анамнезе. Вставали и плелись тихонечко со своими тряпичными кошёлками за молоком на базар, потому что внуки должны пить хорошее молоко, а не то, что продают в тетрапаках. В ненужных, ностальгических очередях за пенсией они делились и обменивались очередными волшебными рецептами, порождая городские легенды о мистических свойствах димексидовых припарок с фикусовыми листьями.

Наивные обыватели в стремлении следовать этим рецептам часто оказывались в реанимации. Тут верить надо, истово верить, в обход, а кое-где и поперёк здравого смысла.

Железные Старухи могут верить во что угодно.

Железные Старухи никогда не меняют своих убеждений.

Неужели миру суждено рухнуть именно сегодня?

В большом, неухоженном, выстуженном доме густой невидимой субстанцией колыхалась тишина. Многочисленные Юлькины питомцы (собака со щенками, два кота, ворона в клетке и абсолютно безбашенный попугай) затаились по углам.

— Не раздевайся, — предупредил Матвей. — Мы со вчера отопление выключили. Эти, на освидетельствование которые приехали, орали, что в морг надо везти, что до похорон Сталя у нас поплывёт, что бригада «скорой» приедет в лучшем случае первого к вечеру, а то и второго.

— А так бы и было, — согласилась Юля. — Если бы не Тая, раньше третьего мы бы не управились. Шутка ли, тридцать первого числа после четырёх кого-то поймать? Морг — полторы тысячи в сутки, а Матвей месяц в рейсах не был, вот как Сталя слегла, так и не был.

Юля монотонно перечисляла многочисленные подвиги своей кумы Таисии, совершенные ею в борьбе с алчным кладбищенским шакальём и безответственной местной бюрократией. И проплывали передо мною мутным хороводом и

доктор, Гиппократ местный, упившийся в хлам уже в пятом часу, и наглые менты, и жадные до потери человеческого облика похоронных дел мастера. И соседи, куда ж без них-то. Хотя, наверное, я слишком много хочу. Встать из-за праздничного новогоднего стола и пойти обмывать чужую, трижды ненужную бабку — на такое способны только Железные Старухи. Не случилось на улице Сосновой других, кроме той, что лежала сейчас на досках, Железных Старух, а остальные... Они-то не железные.

Я слушала этот тысячу раз уже слышанный рассказ и мусолила в пальцах гвоздичные стебли, судорожно пытаюсь сообразить, надо ли их положить в пустующий пока гроб, или держать, или приткнуть рядом с телом. Никогда не могла постичь всех этих мрачных премудростей. Вот с венком не было бы никаких хлопот: поставила бы в угол, к двум другим, милое дело. И мысль такая приходила, и контора нужная работала (им что новый год, что день ихтиолога — всё едино), но не смогла я придумать, что написать на креповой ленте. «От коллег»? Да, профессия у нас общая, но вместе мы не работали. «От родных»? А считается ли бывшая жена племянника родней? Вряд ли. «От друзей»? Нехорошо врать мёртвым. Не были мы с ней друзьями. У нас были прекрасные отношения, взаимная приязнь, к тому же она без памяти любила

мою малявку, но дружба... Нет, не то слово. А того слова я не нашла и теперь уже не найду.

То слово я могла, наверное, вспомнить, если бы застала Сталину живой.

А теперь...

...Железные Старухи неузнаваемы в смерти.

Что-то неуловимо смещается в их лицах. Какая-то несущая стена пропадает, и они становятся просто старухами. Одинаковыми, как рубашечные пуговицы.

Железные Старухи живут долго и умирают трудно. Их тела и души, привычные к ежедневной каторжной работе на ниве Нетревоженья Близких, не могут вот так просто взять и перестать жить. А вдруг удастся избежать таких ненужных, противных хлопот? А вдруг получится ещё хоть на год-неделю-день уберечь родных от всех этих неприятностей? А вдруг? А если раков распарить в керосине? Говорят, от всего помогает.

Но в шифоньере — стопка неприкосновенно-чистого белья, «приличное» платье и тощий конвертик с немислимо как сэкономленными (пенсия-то, пенсия от щедрот государевых!) ассигнациями. Хотя нет, конвертик часто отсутствует — живым нужнее.

Железные Старухи умеют добиваться своего: их похороны доставляют хлопоты минимальному

количеству народа. Большинству тех, кого это событие могло бы огорчить, уже безразлично. Железное — оно долговечнее, чем нежелезное.

Железные Старухи умеют добиваться своего хоть мытьём, хоть катаньем, а вот изменять своим убеждениям не умеют.

Железная Старуха Нина Михайловна и православных попов послала к чертям, и синагогальных, и каких-то приبلудных свидетелей Иеговы. Не хочу, сказала. Если я жизнь недостойно прожила, то что изменят ваши камлания? Для галочки? И кому галочка зачтётся?

Так и легла в желтую, тощую глину Краснопольского кладбища — без креста и без соломы. Сама за себя в ответе.

Бабушка моя по отцу, Галина Алексеевна — старуха не железная даже, а титановая — в Бога верила всю жизнь. И никакой развитой социализм этой веры не убил. Даже выселки, где они с дедом Витей в непрерывном страхе промаялись больше десяти лет. Прятать веру — да, научилась. Но не изменять ей.

Что же вы, тётя Сталя? Зачем?

Батюшка задерживался.

А я не удержалась:

— Кто ж Сталину креститься уговорил?

Юлька кривовато улыбнулась.

— Уговоришь её, как же. Ага, с разбегу. Сама захотела. Две недели назад велела отца Константина привести. Все хорошие люди, сказала, под крестами лежат, и мне надо.

— Мы сами долго сомневались, надо ли, — вмешался Матвей. — Она уже не совсем в себе была, не вставала, заговаривалась, а ты ж знаешь, как она к поп... то есть к священникам относилась... Но привели, в таких просьбах отказывать нельзя никак. Ползал перед ней батюшка часа полтора навколишки, она-то даже сесть не могла. Имена долго перебирали, пока Ольгу не выбрали.

— Маму Сталину Ольгой звали, — перебила мужа Юлька. — Она как это имя услышала, у неё слёзы так и хлынули. Так и крестили. И свечку Сталя не уронила ни разу, сама, значит, хотела. А на следующий день у нее речь отняло.

Помолчали. Сталина молчала благожелательно, я — неловко, а Матвей с Юлей просто устали до чёртиков.

— Витьке ты сказала? — очнулся Матвей.

От воспоминания о вчерашнем телефонном разговоре с бывшим супругником у меня ощутимо повело на сторону рот. Пришлось закашляться в гвоздики, хоть какая от них польза.

— Да, — выдавила я, вернув рот на законное

место. — Он не смог приехать.

Хороших людей неприятно обманывать, но иногда приходится. Не смог и не смог. Пусть он сам разбирается со своими долгами, глупый мой бывший муж. Я за него тоже немножко постою, мне не жалко. Если мёртвой старухе хоть капельку не всё равно, пусть будет — не смог.

— Жалко, — сказал Матвей. И было видно, что да, ему действительно жалко. — Посидели бы, вспомнили, как нас Сталя в детстве строила слева направо, а потом справа налево. Мы ж её почаще мамок родных тогда видели... Эх!

Матвей вдруг улыбнулся широко и искренне. От этого его скуластая физиономия приобрела совершенно хулиганское выражение, будто он собрался прямо сейчас удрать из-под надзора строгой тётушки для совершения неведомой шкоды. Наверняка даже на пару с двоюродным братцем Витькой, верным соратником и закадычным дружкой. И седая не по годам голова тому нисколько не помеха.

Юля хотела что-то добавить, но помешал шум подъезжающей к воротам машины.

Прибыли, надо полагать.

Вот теперь я точно знаю, как именно тарыхтит дьячок на бедных похоронах.

Отец Константин — не дьяк, а полноправный

иерей, но разница, я думаю, непринципиальна.

Он был великолепен. Отбивая молитвенную скороговорку еще с порога, он пролетел крохотную прихожую на бреющем полёте, выпинал, не тормозя, девятнадцатилетнего кошачьего патриарха Пуха во двор и напялил прямо через камилавку сумрачно-зелёное облачение. Турбулентными потоками за спиной отца Константина нещадно крутило Матвеевского друга Пашу, с которым я успела познакомиться по дороге, незнакомую мне даму решительного вида и высокого мужика с лицом бугристым и асимметричным как свечной нагар. Если дама могла быть только кумой Таисией, амазонкой и воительницей, то мужик меня поначалу озадачил. Но ненадолго. Отдышавшись, неизвестный затянул в терцию с отцом Константином, а ещё заметила я в его тёмных, бугристых руках солидную Псалтирь в латунном окладе с чеканкою. Воистину чудотворец отец Константин: нашёл трезвого певчего в час дня первого января в городе Возледнепровске!

— Яко Ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое... почему ещё не в гробе? — выпевал отец Константин приятным, немного глуховатым тенором. — Не приидет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих... Ну-ка взялись!.. На руках

возмут тя... Хорошо!.. да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия... Гриша, где кадило?.. Яко на Мя упова и избавлю... Теперь порядок!

И всё действительно пришло в порядок. Певчий гудел по низам трудолюбивым шершнем и подавал время от времени своему патрону нужные для дела предметы, Сталина в гробу утратила неприкаянный вид, а я наконец-то избавилась от гвоздик. Теперь цветы нашли своё место в ногах покойной.

Слова молитвы сливались в неразборчивую пулеметную очередь, зато ритм, выверенный двумя тысячелетиями, заставлял сердце сбоить. Мысли мои гуляли, где хотели.

Железных Дедов почему-то гораздо меньше, чем Железных Старух.

Деды предпочитают уходить по-другому.

Сесть, например, на лужайку в парке университетского городка — и больше не встать. Жарища, июнь месяц, две бабы бестолковые, жена и дочь, ни на кого оставленные, воют... Ученики недоученные в ступоре — не у кого спросить... Правда, Юрий Сергеевич?..

Или выпить бутылку водки после сердечного приступа, чтобы «скорая» не успела. Правда, дед?..

Бабушка так и не жила после этого. Восемь лет не жила.

Или... Ладно, папа, я не буду.

Да что же это со мной?! Какое мне дело до всего этого?! Кто я, чтобы решать, кому и как надо умирать?! Трус не может назначать цену храбрости... А я трус. Не трусиха, а именно трус. Трусиха — это нечто, вызывающее снисходительную улыбку в сопровождении легкого пожатия плечами. Трусихи боятся мышей или тараканов. А трус не забрал Нину Михайловну из её вонючей комнаты в коммуналке. Трус решил, что Нина Михайловна всё равно не согласится, трус прикрылся десятком разумных аргументов и промолчал. Понятно, она бы не согласилась, не мне испытывать сталь её сущности на коррозию, но какое это имеет значение?

Для чего я стою сейчас с маслянистой коричневой свечкой в руке и коряво крещусь по отмашке неподражаемого отца Константина? Зачем я здесь?! Ведь воцерковление моё бесславно провалилось много лет назад. Не знаю, был виной тому избыток скепсиса или недостаток цинизма... Возможно, просто непонимание. Зачем надо униженно выпрашивать блага прижизненные и загробные у того, кто любит? А в том, что любит, сомнений у меня нет.

Дождусь конца службы и уеду. Никакого кладбища, хватит. Сталина всё равно не объяснит, зачем ей понадобилось это шоу с латунной Псалтирью, святой водой и попом за триста гривен.

Тёмный воск напелзал на пёстрый, стеклянно хрустящий в руке платок, в безуспешной попытке изобразить лицо певчего Гриши.

Отец Константин ловко вскубрил блистер с одноразовыми похоронными принадлежностями и несколькими точными движениями распределил бумажные образки и пластмассовые крестики по телу покойной. Мимолётно резануло по глазам яркое пятно рекламы фирмы-производителя на обратной стороне использованного блистера. Ощущение ненужности происходящего усилилось в несколько раз.

Ещё залп старославянских слов, ещё несколько порций сладко-тошного ладанного дымка кусками серой технической ваты вырвались из кадила. Кадило при этом сложно брякало, позванивало и цокало, навевая мысли о негритянском джаз-банде.

Дело близилось к финалу. В свою очередь я приложилась губами к мокрой бумажной ленте на лбу Сталины.

В комнате очень холодно, но лента просто ледяная, обжигаяще ледяная.

Пока Гриша собирал утварь в толстый дерматиновый чемодан, отец Константин собрал нас, пятерых, в полукруг, и велел склонить головы. Мы склонили.

Чеканная обложка Псалтири — очень старой, может даже антикварной — ощутимо тукнула меня по затылку. Металл был холодным, но всё равно теплее, чем Сталинин лоб. Отец Константин заговорил голосом неторжественным и негромким. На том самом дивном возледнепровском суржики. Он говорил о послежизненных странствиях души. И настолько резок был контраст между жутковатым, мистическим смыслом его речей и обыденностью их формы, что часть моего сознания, ответственная за сцепление с реальностью, слегка зашаталась в пазах. В образовавшихся зазорах замелькали страшные как беспросветное одиночество видения, и мне пришлось вцепиться в ощущение окружающего. В волокнистую структуру дощатого пола. В ткань куртки, лиловой и глянцевой, как позавчерашний синяк. В запахи: ладан, холод, старая бумага, соль, тлен. В скупые уличные звуки. В своё дыхание.

Помогло. Опять помогло. Серый горячий гвоздь привычно впился в лоб над левым зрачком, но боль на этот раз оказалась кстати. Когда болит,

легче держаться.

Надежды на быструю погрузку накрылись медным тазом. Нет, не медным тазом, а картонным небом. С последнего нашего свидания оно осело ещё ниже, провиснув между заборами налитым дождевой водой тентом.

Гроб прочно стал на табуретки. Отец Константин огладил бороду и орлиным оком обозрел свою непутёвую паству. Да, не признаваемый церковью праздник здорово подпортил мероприятие. Несколько очень мятых мужиков мыкались вдоль дороги, уминая ботинками грязь, чёрную и блестящую, как спинка моей кошки. Женщин пришло больше, но ненамного. У всех в глазах болотной водой стояло нетерпение. Они уже пожалели Сталину, перекрестились в сторону гроба, обмяли языками Матвея и Юльку и желали продолжить отдых. Дело житейское. Но строгий вид отца Константина заставил их промедлить.

— Братья и сестры! — возгласил иерей, выдержав МХАТовскую паузу. — Сегодня мы прощаемся не с Сатанилиной, а с работой Божьей Ольгой. Нету больше Сатанилины, так вот. Отреклась она от заблуждений атеистических и от имени нечестивого, приняла Христа в сердце свое. Чистой ушла она, потому что после крещения сразу

отняло у ней речь, и никак нагрешить она уже не смогла.

Последний факт отец Константин озвучил с явным удовольствием. Крылось там, по-видимому, нечто глубоко личное.

— Племянники, небожи, досмотрели её в полном достатке, всё у покойной было, чего душа желала, я сам видел, возле кровати на столике и шоколадка, и лимонка, и апельсинка. Воздаст им Господь за это полной мерой, пусть не сомневаются, всё они как надо сделали.

И ещё один острый, тяжелый взгляд пастыря прошёлся по лицам прихожан. Внемлют ли, овны тонкорунные? Всё ли запомнили, сплетники?

Простите меня, отец Константин. Если можете, простите. Хотите, я ещё раз подставлю затылок, а вы меня Псалтирью треснете? Для вящего просветления?

Но отца Константина мой мелированный затылок интересовал если не в последнюю, то уж далеко не в первую очередь. Он азартно рассказывал о чуде. С подробностями и отступлениями, с примерами и цитатами. Переходя с церковнославянского на верхнеднепровский ежеминутно и непринуждённо. От этой вдохновенной проповеди тоска моя достигла невиданных вершин, а гвоздь над левой бровью раскалился добела. Лица обитателей Сосновой

улицы выражали живейший интерес.

Певчий Гриша гулко откашлялся. Отец Константин смял очередной пассаж и посмотрел на часы. Короткая молитва, щедрое благословение, и — погрузка.

— Тая и Паша на своих колёсах поедут, батюшку тоже повезут, — сообщила Юля вполголоса. — А ты давай с нами, на автобусе. Матвейка, ты всё взял?

Язык, на котором вертелась заготовленная фраза про ноги и домой, так и не повернулся.

Я поехала на кладбище.

Но с поминок точно сбегу. Не буду я пить водку с Юлькиными соседями и объяснять, кем я прихожусь покойной, и почему у нас одинаковые фамилии. Да и маршрутки первого января вечером — вещь непредсказуемая.

Почему все дороги на кладбища такие тряские? Вопрос, конечно, чисто риторический, но, тем не менее, на пути к кладбищу крышка гроба непременно должна игриво подсакивать и съезжать с основы, открывая взорам интимный белый тюль покровов. И едущие в катафалке обязательно должны подпирать коленями занозистую конструкцию с разных сторон.

Вот мы и подпирали.

— С автобусом этим цирк был, — хмыкнул Матвей, вынимая щепку из штанины. — В одном бюро нам сказали, что раз мы у них гроб не купили, то и автобус они нам не дадут. Логика, ёлки! А в той конторе, где мы гроб брали, автобусов вообще не оказалось. В которой мы договорились, Юль?

— В четвёртой, кажется, — отозвалась Юля. — Контор этих, как грибов поганок — на каждом пеньке. И все бессовестные.

— Да ладно, Юль, — Матвей махнул рукой. Крышка гроба моментально соскочила влево, но я вцепилась в свой край и не дала ей сбежать окончательно. — Всё уже. Договорились и договорились.

Юля поудобнее перехватила куль с хлебом, поминальными конфетами и сиротливой бутылкой водки (для ублаговторения копальщиков) и тихо фыркнула.

Автобусик чинно подпрыгивал на возледнепровских ухабах, стараясь удерживать равновесие и умеренно скорбный вид. Небо полураскисшей массой папье-маше лежало на крыше автобусика. Оно вместе с нами ехало хоронить Сталину.

Кладбище началось как-то неожиданно. Промежуток времени между исключением из поля зрения последнего дома и появлением в этом же

поле первого креста оказался неприлично, исчезающе мал. После знакомых мне кладбищ — плоских как столешница, уходящих за горизонт бесконечными рядами могил — Возледнепровский погост производил впечатление китайского затейливого садика. Разномастные деревья между могилами причудливо выгибали ветки, дополняя такие же разномастные памятники неожиданными деталями. Холмики сменялись низинками, а надгробия располагались хаотично, без рядов и шеренг. Мастер по устройству сада камней, несомненно, оценил бы.

Только один-единственный ряд вытянулся в струнку вдоль обрыва. Обрыв вполне серьёзный, метров десять, а может и больше. Нужное нам место — именно в этом ряду.

Лопата в руках отца Константина смотрелась органично.

— Вот добросовестный человек, — шепнула Юлька. — Тот батюшка, что маму отпевал, на кладбище не поехал, прямо во дворе кое-как запечатал. А через полгода папу хоронили. Мне тогда так погано было... пошла я в храм, а он уже закрыт. Отец Константин домой уже собрался. Но меня увидел, вернулся, открыл. Вдвоём со мной отслужил, для меня и со мной.

Я бездумно наблюдала за обрядом

запечатывания могилы. Мог бы и не стараться добросовестный отец Константин. Не нужны Сталине никакие печати. Они у неё с собой. Не вернётся она ни за кем, не потревожит никого. Железные Старухи ненавязчивы, как кошки породы рекс корниш.

Когда наклоняешься за комком земли, горизонт совпадает с линией обрыва. Очень интересно, оказывается, если до горизонта два шага. Не кажущихся, а действительных.

Но интересно, похоже, только мне. Удара третьей горсти земли о крышку гроба я не услышала: её заглушил острый звон лопат. Копальщики — тоже люди. Им домой надо. И мне надо, я тоже человек.

— Те цветы, что с телом прикасались, в могилу бросайте, — тенорок отца Константина суров и безапелляционен. — А то ходят тут, собирают такие цветы, а потом колдуют, волшебствуют...

Мои героические гвоздики и Пашины жёлтые розы полетели вниз с очередной лопатой кладбищенской земли.

И та ненадёжная часть моего сознания, которая ответственна за связь с окружающей реальностью, не выдержала. Она с треском вылетела из всех пазов раньше, чем цветы

перестали падать. Я ничего не успела сделать.

...Голос — пронзительные всплески синей части спектра.

— Ты это, крестись, Сталя...

— Зачем это, Господи?

Ну, второй голос я узнаю. Характерное повышение тона на второй четверти фразы, сухие звонкие перекаты.

— Надо, Сталя, ну просто надо... Крестись, Сталя, пожалуйста, — вибрирует синева.

— А то — что? В рай не возьмешь, Господи? Так и в аду мне работа найдётся: кому водички принести, кому горшок вынести. Ты же знаешь, Боже, не привыкать мне...

Синий голос смущён.

— Знаю Я, знаю... И в рай возьму, как не взять... Только понимаешь, крестом небо держать удобно... Падает оно, Сталя, держать его надо, а вас, железных, всё меньше. Некому держать. А если и ты без креста явишься, даже и не знаю... Возьми крест, Сталя...

Резкий Сталинин голос смягчается.

— Так бы сразу и сказал, Господи, что для дела надо. Если для дела — возьму. Это не стыдно, это орудие труда, а не побрякушка фасонная. Завтра же и возьму.

Вздых — как горное эхо.